

Сергей Шелковий
г. Харьков, Украина

ДАЛЕВЫ ДАЛИ (УКРАИНА И ВЛАДИМИР ДАЛЬ)

Многочисленные литературные произведения Владимира Даля, повести, рассказы, сказки (изрядное десяти томное собрание сочинений) представляются сегодня всё-таки лишь дополнением к тому труду, которому писатель посвятил 53 года своей жизни. Этот главный его труд – четырёхтомный «Толковый словарь живого великорусского языка», для которого Далем собрано, упорядочено и растолковано около двухсот тысяч слов. Для сравнения вспомним, что вышедший при жизни В. Даля в середине 19-го века «Словарь церковнославянского и русского языка», наработанный целым отделением Академии наук, содержал менее 115 тысяч слов. Работником В. Даль был преотменным – его второе литературное завещание, сборник «Пословицы русского народа», включает в себя более 30 тысяч собранных им народных афоризмов.

А родился Владимир Даль, писатель насквозь русский (хотя и с хорошо известными родительскими корнями – из Швеции и Германии), на Украине, в Лугани, в Луганском Заводе – так в те времена, в начале 19-го века, именовался нынешний украинский город Луганск. Уроженец степных и ветровых раздолий, зелёно-луговой земли, он не случайно, но по велению благодарного сердца, подписывал большинство своих книг именем Казак Луганский, В. Луганский. Писательский псевдоним В. Даля навсегда ввёл в историко-литературный обиход, в контекст русской литературы светлое и луговое имя его малой родины. Да и сама фамилия Даль – не истинно ли казацкая по звучанию? И размах, и ширь-приволье степного простора в ней ясно слышатся. Так уж, наверное, одно с другим и должно было сойтись и завязаться в метафизическую связь...

Если эти фразы покажутся кому-то всего лишь лирическим отступлением, то вспомним факты, говорящие о том, что связь творческого пути В. Даля с Украиной – не надуманная, а живая и полнокровная тема. Детство писателя прошло в Лугани и в Николаеве. В черноморском городе-верфи Николаеве служил он и после окончания Петербургского морского кадетского корпуса. Известно и о мужественном поведении Владимира Даля, когда он, будучи уже военным врачом, одолевал эпидемию холеры в Каменце-Подольском на Западной Украине.

В течение всей своей долгой 71-летней жизни писатель постоянно, так или иначе, обращался к памяти о своей малой родине – Украине. Помимо знаменитого словаря великорусского языка, В. Даль подготовил и словарь украинского языка, материалы которого бескорыстно передал Лазаревскому. Он осуществил перевод повести Квитки-Основьяненко и напечатал её в «Современнике», на что последовала благожелательная реакция В. Белинского, назвавшего повесть «замечательной», а перевод В. Даля «прекрасным».

В статьях и письмах В. Даля можно прочесть немало тёплых слов, обращённых к его незабываемой родине: «Будучи родом из Новороссийского края и проведя там молодость свою, я с родным чувством читаю и вспоминаю всё, относящееся до Южной Руси и Украины». А в зрелые годы В. Даль делает однажды дневниковую запись, устало сетуя на столично-чиновничье удушьё Санкт-Петербурга: «Я бы желал жить подальше отсюда – на Волге, на Украине...».

Ну что же, это желание писателя посмертно осуществилось – в Луганске, уже успевшем побывать за минувшие годы и Ворошиловоградом, в честь другого здешнего уроженца, «маршала нашего Ворошилова Клима», бережно сохранён подлинный отчий дом Владимира Даля. Маленький, четырёх-оконный по фасаду, домик отреставрирован и превращён в мемориальный музей автора знаменитого толкового словаря. Здесь живёт память о писателе и о несчётном множестве добрых дел, сделанных им при жизни – и в литературе, и на иных достойных поприщах. Далевы дали сегодня ещё виднее от этих белых стен его невысокого отчего дома в Луганске, виднее, несмотря на уже более чем двухвековую нашу отдалённость от его времени...

А в установленном при входе в музей бронзовом изваянии задумавшегося в кресле творца «Толкового словаря», не помпезном, но гармонично простом, с печатью света на лице, угадывается прототип – знаменитый прижизненный портрет Владимира Даля работы знаменитого русского художника Василия Перова. В Луганске установлены ещё два памятника славному писателю-земляку, имя В. Даля носит Восточноукраинский университет в Луганске, улицы в его родном городе и в Николаеве, где он прожил около 16 лет. Кстати, и перед зданием Евпаторийского филиала Восточноукраинского университета им. В.И. Даля в Крыму высится бронзовый бюст писателя.

Владимир Даль дорог для Украины так же, как и для России. Его имя снова напоминает нам о давнем, многомерном, порою трудном и противоречивом, но несомненно плодотворном взаимодействии наших творческих ментальностей, наших языковых культур так же, как напоминают об этом имена многих других классиков русского слова, связанных с Украиной и кровным родством, и землячеством, и целыми временными пластами своей жизни: Гоголь и Коро-

ленко, Бунин, Лесков и Куприн, Ахматова, Волошин и Нарбут, Маяковский, Булгаков и Шолохов, Паустовский, Солженицын, Арсений Тарковский и Чичибабин... Этот ряд имён можно было бы и продолжать, не поступаясь выбранным здесь самым высоким критерием ценности литературного наследия.

Случилось так, что Далевская родина, нынешний Луганск над речкой Луганью, стал и для меня по-настоящему родным и навсегда неизменно дорогим. Каждое лето вплоть до школы, в середине теперь уже прошлого века, я проводил в горячем солнечном Луганске у своего деда Петра Ивановича Шелкового, заслуженного и хорошо известного в городе труженика, директора крупного военного завода, и у бабушки Марфы Романовны, человека редкостно доброй и любящей души.

Дед в 1904 году четырнадцатилетним мальчиком поступил на работу учеником литейщика именно на тот самый Луганский литейный завод, где возглавлял медицинскую часть отец писателя Иоганн Даль. Здесь же доктор И. Даль подавал в дирекцию завода своё прошение о принятии в российское гражданство, которое, к счастью для него и его сына, великого в будущем русского патриота, Владимира Даля, было милостиво удовлетворено. Завод, давший первое литьё ещё в 1800 году, за год до рождения Владимира Даля, выпускал также снаряды и патроны, поставлявшиеся помимо прочего и на Крымскую войну.

В конце 20-х годов мой Петр Иванович уже возглавил предприятие «Почтовый ящик номер такой-то» или патронный завод, как его продолжали именовать в народе. Отсюда из директорского кабинета в августе 40-го года чекисты утащили деда прямым ходом на московскую Лубянку. Многомесячные избиения, запугивания и требования, вроде «Подписывай, – дь, что нарком Ванников давал вредительские указания», Петра Ивановича не сломили – ничего не подписал, не оговорил ни себя, ни других. Таких особо стойких арестантов иногда было принято у сталинских душегубов – выпускать. Через год с лишним после ареста, уже в Саратовской тюрьме, деду сообщили, что из Москвы пришло постановление «Освободить, ошибка получилась». Позвонив с Саратовского телеграфа М. Калинин, дед представился ему как бывший депутат Верховного Совета, и услышал в ответ, что он депутатом и остаётся, и все его многочисленные почётные звания и правительственные награды тоже остаются при нём. Повесив трубку, Пётр Иванович тут же утратил сознание, ибо после сотен дней избиений и издевательств вышел из тюрьмы с весом в сорок килограммов, то есть менее чем с половиной от своего обычного веса.

После освобождения Луганска от немцев дед вернулся на родной завод, восстанавливал его и проработал на нём директором вплоть до выхода на пенсию в 1957 году. Итого лет, связывавших моего Петра Ивановича Шелкового с Луганским литейным, патронным, позже машиностроительным, заводом – ровно 53. Ровно столько же, сколько положил Владимир Даль на создание своего Толкового словаря. Совпадение – частное и, конечно, случайное, но для меня не пустое и даже, пожалуй, дорогое. И ещё одно совпадение: в центре нынешнего Луганска неподалёку от улицы Владимира Даля есть и улица моего деда Петра Ивановича Шелкового.

Именно небольшой дом деда и бабушки на 2-й Линии, совсем рядом с длиннющей заводской стеной, вблизи опасно-бандюганского Каменного Брода, их сад за домом с десятком яблонь и бабушкиным цветником, с выдавшей виды бочкой воды для полива – был, есть и пребудет незабываемой и бесконечно дорогой для меня родиной. Именно этот клочок степной земли навсегда останется моим Малым Иерусалимом, моим непотопляемым, всегда светящимся Китежем. Здесь – все мои самые важные и неубывающие творческие импульсы, здесь тот самый энергетический и духовный заряд, которым живятся два десятка нынешних моих книг поэзии и прозы. Да, собственно, живится и крепится каждый отпущенный мне Господом день.

В 1967 году ушёл из жизни дед, через шесть лет умерла и бабушка. И только через 17 лет после её похорон, уже в самом начале обвальных девяностых годов, я смог снова возвратиться в дорогой моему сердцу Луганск. Увы, ни нашего дома, ни «строю патриаршьего седых тополей», ничего, что так ясно жило в памяти, да и на многих страницах моих книг, я не нашёл, не увидел. Всё было начисто, под корень снесено, безжалостно уничтожено. Мне оставалось лишь неверяще-потерянно смотреть в опустевшее пространство сквозь промозгло-влажные, какие-то совершенно фантазмагорические по ощущению и уже совсем тёмные, сумерки января 90-го года... Смотреть, в некоем ступоре, на этажи тусклого казённого здания, поставленного на моей земле обетованной, на том клочке суши, который был когда-то моей неповторимой мальчишеской ойкуменой.

Всё-таки один из свидетелей тех незабываемых ранних времён остался в живых – старый, одетый в морщинистую и напрочь задеревеневшую кору тополь, росший уже на выходе на широкую, идущую вдоль глухого забора воензавода, 2-ю Линию, на выходе из Участка – так назывался прежде уютный тополиный тупик с десятком одноэтажных домишек и озеленённых лоскутков садовой земли, где обитали мы с дедом и бабушкой. Жили-поживали так давно и так невероятно близко...

Вернулся я – а тополя срубили...
Как горек тополиный мёртвый рот!
Один лишь брат, свидетель сна и были,
остался жив, корявый, у ворот.
Один – но во плоти два века живо.
Вот так вдали, сестра моей души,
две тыщи гефсиманских лет олива
молчит в саду в сидящей тиши.
На култях комля – переплески света.
А в тусклой мельхиоровой листве –
тень запаха, предчувствие Завета
о скорбном неухоженном родстве.
Вернулся я – с вершины Елеонской
мне виден бег строптивного Донца,
овечий топот дробный,
крупный, – конский, –
ещё слышны. Но не догнать гонца.
Порубленное, прорастая криво,
лишь смутно помнит белостенный дом,
где – окна в сад, где лица незлоблively,
где живы голубь, тополь и олива
в июле синем, в полдне золотом.

Но оказалось, что в эти минуты моей внезапной и непоправимой потери судьбе всё же было угодно одарить меня не то, чтобы утешением, но всё же некоей значительной и непохожей на случайность, да, пожалуй, и обнадеживающей, метафорой. Наградить неким совсем другим воспоминанием, протянувшимся к тому зимнему вечеру из словно бы ободряющих дальних далей.

Всего только в трёх минутах ходьбы от нашего уже снесённого подворья, на соседней улице, что смутно помнилась мне из давних мальчишеских времён своими неказистыми пыльными акациями, увидел я родительский дом Владимира Даля и его полное спокойного достоинства бронзовое изваяние, стоящее перед фасадом. В прежние годы это место было в полном небрежении и никому не ведомо. И вот теперь я со смешанным чувством глядел на счастливо выжившее и обновлённое гнездо писателя Владимира Даля.

Удивительно, как живо его небольшой белёный домишко напоминал наш семейный, на Участке, тот самый, потеря которого больно уколола меня всего несколько минут назад. Та же приземистость одноэтажного строения, те же четыре окна по фасаду, расположенные симметрично по два от входной двери. Тот же, защищающий крыльцо от непогод, железный козырёк с двумя незамысловатыми узорными кронштейнами.

Удивительным было и совпадение во времени и пространстве обстоятельств этого метафорического и словно бы утешительного для меня обмена – то ли файлами, то ли целыми матрицами памяти. Сто с небольшим метров расстояния между моим и далевским луганскими домами как-то легко сочеталось с полуторовековым отдалением наших дат рождения... Да и эти, совершенно невероятные по стремительности, пять-десять минут! Такой необъяснимо малый отрезок времени между внезапно-ранящей потерей своего, кровно-родного и любимого, и обретением тут же, без минуты проволочек, некой надежды уже в совсем ином символе – всеобщем, отстоявшемся во времени, но и тоже совсем не чужом. Более того – в становящемся на глазах всё ближе и словно бы порождающем чувство признательности...

В биографии самого Владимира Даля было множество невероятных жизненных совпадений, многозначительных и полных скрытого смысла. Его жизнь отнюдь не складывалась как жизнь кабинетного учёного и домоседа, но напротив – она была непрерывной последовательностью новых начинаний, новых далёких путешествий и рискованных маршрутов. Эта полная приключений и энергичного действия биография, вполне могла бы стать основой для приключенческого романа, не менее увлекательного, чем истории, вышедшие из-под пера Майна Рида или Буссенара, Саббатини или Александра Беляева.

В течение многих лет жизни Владимир Даль включал в свою деятельность, – то последовательно, то параллельно, – очень разные поприща. И в каждой из выбранных им областей оставил заметный и значительный след. Он был и морским офицером, и военным врачом, был писателем и лексикографом, этнографом и естествоиспытателем. Участвуя в Русско-турецкой войне и в Польской кампании, и проявив отвагу и мужество, был награждён двумя боевыми орденами. События вокруг Даля нередко, словно, завихрялись и стремительно двигались по некой турбулентной траектории. Чего стоит, например, лишь одна из его историй времён Русско-турецкой войны, когда верблюд, выделенный ему командованием для перевозки мешков с тысячами лексических записей для его будущего знаменитого словаря, был захвачен в плен турками, но на следующий день снова отбит русскими солдатами и возвращён В. Далю!

Отношения Владимира Даля с Пушкиным тоже заслуживают отдельного и проникновенного повествования. В 1832-ом году Даль был ещё начинающим литератором, едва только выпустив в свет «Первый пяток» сказок Казака Луганского. Но он же являлся к тому времени и человеком уже очень бывалым – отслужившим на флоте, прошедшим две военные кампании, и посему отважно и решительно поспешил вручить свою книгу в подарок первому поэту России, самостоятельно прийдя с визитом в петербургский дом Пушкина. Встретив В. Даля и его дебютную книгу вполне приветливо, Пушкин особенно заинтересовался планами Даля об издании словаря и горячо поддержал эту его работу. Поэт не забыл своего нового знакомого и через год прислал ему рукопись своей «Сказки о рыбаке и рыбке» с многозначительной надписью: «Твоя от твоих! Сказочнику казаку Луганскому – сказочник Александр Пушкин». Вот так и пушкинское перо, пусть мимолётно, но коснулось своим лёгким росчерком лугового украинского имени Даля...

С той петербургской встречи началась дружба двух писателей, длившаяся до последних дней жизни Пушкина. Через год после первой встречи поэт гостил в Оренбурге у Даля, приехав на Урал для сбора материалов о Пугачевском бунте. Ныне возведённый в Оренбурге памятник, – Пушкин и Даль, стоящие на постаменте в полный рост, подобно веймарским Гёте с Шиллером, – свидетельство тех самых совместных поездок 1833-го года по яицким-казачьим, бунтарским пугачёвским местам.

Заиетим в скобках, что В. Даль родился в один день с Ф. Шиллером, так же, как и с Мартином Лютером, – 10 ноября, а гётевский «Фауст» оставался в течение всей жизни Даля одной из самых любимых его книг. Читал он «Фауста», конечно, в подлиннике, поскольку в совершенстве владел немецким и даже свою первую филологическую работу о русском языке напечатал в Дерпте именно на немецком.

Последняя встреча Даля с Пушкиным в Петербурге совпала с фатальной, пушкинской дуэлью. Остались свидетельства современников о том, что Пушкин вызывал стреляться своих оппонентов больше полутора сотен раз, и сам был вызываем к барьеру более чем в девяноста случаях. Однако дуэль в конце зимы 1837 года на Чёрной речке закончилась трагически – смертельным ранением первого поэта России. «Пустое сердце бьётся ровно, в руке не дрогнул пистолет...».

Владимир Даль два дня и всю последнюю ночь не отходил от постели умирающего друга. Перстень-талисман Пушкина с изумрудом, который он, не снимая, носил в последние годы, перешёл из рук поэта к его самому близкому в тот момент соратнику. Этот, полный светоносной силы, камень

появляется у Пушкина, ещё словно бы априори, в его «Сказке о царе Салтане» – «А орешки не простые, все скорлупки золотые! Ядра – чистый изумруд...», возникает он и много позже – уже в Далевском толковом словаре как пример толкования в разделе «изумруд» – именно тот самый, незабываемый, «изумрудный перстень»!

И вот здесь пора сказать о самом главном, преобладающем ощущении, которое возникает, когда читаешь стратегический труд Даля – его словарь живого великорусского языка. Труд стратегический – и в смысле основного, более чем полувекового, дела жизни, и в смысле глубинного отражения личности этого выдающегося человека, отражения самой сути его характера и его души. Главное и несомненное ощущение от общения со словарём – перед нами творение подлинного поэта. Рифмованные опусы не очень удавались Владимиру Далю, хотя и их тоже можно отыскать в его десятитомнике. Но почти каждый из разделов далевского словаря, посвящённый отдельному слову, – не только некий лексикографический экскурс, а и оригинальная, полная живого звучания, поэтическая миниатюра. Пусть не по форме, но по всему своему существу!

Ну вот, хотя бы два примера из Толкового словаря. Раздел об упомянутом только что слове «изумруд» поместился в словаре между термином «изумлять», применимым, без каких-либо натяжек, ко всей биографии Даля, и странноватым словом «изуправляться», устаревшим, но вполне способным напомнить, что и чиновничью ляжку «ради хлеба» создатель словаря тянул многие годы – и в Оренбурге, и в Нижнем Новгороде, и в столичном Петербурге.

Итак, цитата: «Изумруд м. – драгоценный, сквозистый камень зелёного цвета. Изумрудный, -овый – к изумруду относящийся. Изумрудовая копь, прииск. Изумрудный перстень. Ткань изумрудового цвета. Изумрудистые горы – содержащие камень этот. Изумрудистый цвет, зелень, блеск – изумруду подобный...».

Слепой мудрец Хосе Луис Борхес, сохранивший, однако, ярчайшее внутреннее поэтическое зрение, да и, скорей всего, ещё и обостривший его с наступлением внешней слепоты, говорил в своих «Письменах Бога»: «В человеческих наречиях нет предложения, которое не отражало бы всю вселенную целиком; сказать «тигр» – значит вспомнить о тиграх, его породивших, об оленях, которых он пожирал, о траве, которой питались олени, о земле, что была матерью травы, о небе, произведшем на свет землю».

И вот, прочтя зачин «изумрудный перстень» в статье Далевского словаря, каждый, конечно, волен развернуть свою собственную цепь ассоциа-

ций. И я, к примеру, сразу же вспомню пушкинскую строку «Храни меня, мой талисман...», стихи, обращённые именно к его изумрудному перстню, вспомню и благословенное крымское побережье своих молодых лет, где над магической южной ночью звучат и влетают в душу слова романса на эти стихи, звучит голос товарища, которого уже давно нет на свете...

Зевок в дебюте, в эндшпиле ошибка.

Портвейн «Агдам» и сигареты «Шипка»

с усмешкой извинятся за подвох.

Но русский волк поёт о талисмане

хранительном и о сирень-тумане,

поёт о камне на кресте дорог...

Или же увижу в ещё более давней ретроспективе, вслед «изумрудовой копии» Даля, тиснённую золотом книжку из отцовской «Библиотеки приключений», «Копи царя Соломона» Г.Р. Хаггарда, с чьих страниц навсегда запала в мальчишескую память гравюра-иллюстрация со зловеще-чёрной двухсотлетней колдуньей, на которую опускается, вернее, стремительно падает, каменная дверь африканской пещеры. И здесь уже в ряду ассоциаций возникает и вовсе рядом знаменитое кольцо царя Соломона со смыкающейся в бесконечный круг надписью на его исподе «и это пройдёт – пройдёт и это». А на втором перстне-талисмане Пушкина, с другим камнем, восьмигранником-сердоликом, подаренном ещё в юные годы поэту Е. Воронцовой, тоже вилась по внутренней стороне кольца некая резная надпись на древнееврейском языке.

Каждое слово само по себе является ёмким, неповторимым образом, способным к многомерному ветвлению. В этом смысле Осип Мандельштам утверждал в поэтической строке, что «ни одно слово не хуже другого». Важны контекст, речевая интонация, которые и задают слову, лингвистической единице, этому живому и плотно упакованному информационному свёртку, направление и все иные особенности метафорического ветвления и развёртывания. Причём речь не идёт только о сугубо ассоциативно-смысловом, проращении образа из семени слова, столь же существенными и живительными могут быть взаимодействия фонетические, ритмические, аллюзии по множеству иных признаков.

В. Даль, конечно, не может быть замечен в особо стущённой, насыщенной и интенсивной метафорике его собственных текстов. Но бесценный материал его словаря, накопленный и сохранённый поистине подвижническим трудом, – по-видимому, намного ценнее, чем свод текстов любого, отдельно

взятого, литератора. Этот Словарь с большой буквы – нечто вроде универсальной таблицы элементов Менделеева, это свод плодоносных и способных оживать в гармонии речи лингвистических элементов, слов-зарядов, слов-зёрен, слов – сгустков неповторимой духовно-генетической информации. И тот, кто в силах оценить самоценность и бесконечную образно-смысловую чреватость каждого отдельного слова, вполне способен, подобно И. Бродскому, и саму поэзию ощутить как процесс саморазвития, самодвижения великой речевой субстанции.

Если проследить ещё одну историю из ранних лет жизни В. Даля, то можно вспомнить о его приходе под парусом брига «Феникс» в Данию, на родину предков, на последнем году обучения в морском кадетском корпусе. Там, после визита молодых моряков к датскому принцу Христиану, товарищи Даля пытались отыскать его родичей среди местных подданных. Как ни странно, но среди датских Далей родни так и не нашлось. Прощайте, варяжские дали...

Зато уж в Далевском Толковом словаре более страницы большого формата занимает статья с вариациями этого важного, показательного и насквозь русского слова – даль. Слова звучного, динамичного, предельно лаконичного.

Такого же, кстати, предельно краткого, как и само имя Бог. Ибо перед лицом огромного и великого представляется неуместным человеческое поминание всуе – и слов, и даже звуков.

Здесь, на этой словарной странице, в семействе существительных, произрастающих из корня «даль», высвечивают свои собственный дали-просторы, – при этом каждое слово со своим оттенком и отзвуком, – и даль, и дальина, и далища. Здесь протяжно отзываются и далища, и далечина, столь близкая к украинской далечени. Отзываются, помеченные такими многозначительными и полнозвучными эпитетами, как «дальнозвонкий и далёкозвонкий», не менее живыми и сочными, чем далевский эпитет «сквозистый» в статье об изумруде – «драгоценный сквозистый камень зелёного цвета». Воистину это всё богатства, собранные настоящим сказочником, человеком, чувствующим и хранящим неповторимость и сказочность каждого самоцветного, дальнозвонкого слова.

Дива дивные и дали далевы оживают и распахивают свои горизонты, слетая со страниц бессмертного словаря. Воистину радость для ума и сердца – вглядываться и вслушиваться в эти далевы дали. Ибо они – пространства разом и полнокровные, и духовные, ибо в их воздушности ясно ощутимо гармоническое единение двух живых дыханий – и небесного, и земного.